

А.С. Орлов

**Переводные повести
феодалной Руси и
Московского государства XII-
XVII веков**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
А11

- A11 **А.С. Орлов**
Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII-XVII веков / А.С. Орлов – М.: Книга по Требованию, 2022. – 209 с.

ISBN 978-5-458-58643-6

Переводные повести, известные в древней России, весьма разнообразны по своему типу и происхождению, по приемам и месту перевода и по своей судьбе. Это разнообразие выпало на долю не одной России, то же наблюдается и в повествовательной литературе Западной Европы. Литературные центры Востока и Запада поделились с Россией характерными произведениями своей древности (начиная с предшествующей эры): они дали средневековой России популярнейшие из мировых сюжетов, познакомили ее с главнейшими видами повествования.

ISBN 978-5-458-58643-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПЕРЕВОДНЫЕ ПОВЕСТИ ФЕОДАЛЬНОЙ РУСИ И МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА (XII—XVII вв.)

Переводные повести, известные в древней России, весьма разнообразны по своему типу и происхождению, по приемам и месту перевода и по своей судьбе. Это разнообразие выпало на долю не одной России, то же наблюдается и в повествовательной литературе Западной Европы. Литературные центры Востока и Запада поделились с Россией характерными произведениями своей древности (начиная с предшествующей эры): они дали средневековой России популярнейшие из мировых сюжетов, познакомили ее с главнейшими видами повествования. Зашедшие на Русь повести не все были переведены трудами ее книжников: многие из них пришли к нам уже в готовых переводах, исполненных среди других славянских племен. Но эти чужие переводы сыграли большую роль для России, особенно при начале ее книжности, научив ее славянской литературной речи, послужив для нее руководством к повествовательному изложению, что обусловило возможность и самостоятельной переводческой деятельности в России. Вскоре после появления переводов иноземных повестей и русские книжники испытали свои силы: принимались частью натурализовать их изложение, подвергали его переработкам, в соответствии с современностью, частью же подражали чужим повестям, извлекая отсюда для своих произведений то сюжет, то идею, то поэтические образы. Живя целыми веками, с течением времени переводные повести спускались в среду все менее книжную, изменяли там стиль, сообразно требованиям новой общественной среды, и преобразовались наконец в сказки и песни, которые дожили до сего времени, пройдя новые изменения в пути устной передачи.

Предметом настоящей книги является изложение содержания и история наиболее популярных „светских“ повестей, полученных Россией из-за рубежа до европеизации литературы русскими писателями корифеями XVIII в. Если, однако, в нашем подборе встретятся и повести церковного характера, то следует иметь в виду, что они введены сюда для показа особого вида повествовательной беллетристики, будучи лишь внешне связаны с церковным назначением (путем именного приурочения, через морализацию или иными способами).

По времени своего появления в феодальной России все эти переводные повести могут быть поделены на две основные группы: 1) повести, ставшие известными в эпоху Киевской и Владимирской Руси, т. е. приблизительно до XV в., и 2) повести позднейшие, известные со времени проявления характерных идеологических черт Московского государства. Эта последняя группа повестей, в свою очередь, допускает выделение в особую группу западноевропейских образцов, освоенных Московским государством в XVII в.

Предлагаемое деление соответствует тому, которое наблюдается в истории самостоятельной русской повести, что видно, например, из следующих параллельных противопоставлений: переводные повести об Александре Македонском (XII в.), о Бове королевиче (XV—XVI в.), о Брунцвике (XVII в.), с одной стороны; Слово о полку Игореве (XII в.), повести о Мамаевом побоище (XV в.), повести об Азовском осадном сидении (XVII в.), с другой стороны.

В нашем изложении переводных повестей мы сначала (I отдел) даем все повести до XVII в., а затем (II отдел) — западноевропейские повести, освоенные у нас в XVII в. Такое расположение материала наиболее удобно вследствие получающегося равенства отделов.

В начальный период христианизации феодального общества, когда проникновение иноземной книжности оправдывалось преимущественно церковным ее значением, светская в сущности литература приходила на Русь чаще всего под флагом церковности и принималась по признакам близости или сходства с церковной книгой. Степени сходства, близости или какого-либо иного еще отношения к церкви были, конечно, разные; особенно ученых экспертов по этой части было тогда мало, и потому достаточно было легкой богословской ретуши, чтобы до поры до времени такая книга благополучно распространялась.

Так, достаточно было некоторого сходства с Библией, или заимствования из ее истории, считавшейся „священной“, чтобы византийские „всеобщие истории“, так называемые хроники и хронографы, беспрепятственно принимались в юго-славянских переводах, или даже переводились на Русь. Эти переводные хроники и хронографы то существовали у славян или на Руси в отдельности, то соединялись несовпадающими частями между собою, с придачею других еще исторических произведений, восполняющих недостаток тех или иных фактов или подробностей повествования. Отсюда получались сложные компиляции, компилятивные хронографы. В состав таких древних компилятивных хронографов, носивших разные имена (напр. „Хронограф по великому изложению“, „Еллинский и Римский летописец“), вошли в неодинаковых комбинациях переведенные в X—XII вв. по-славянски или по-славянонорусски: хроники Георгия Амартола и Иоанна Малалы, „История Иудейской войны“ Иосифа Флавия и „Александрия“, т. е. повесть об Александре Македонском. За исключением хроники Иоанна Малалы и „Александрии“, все эти произведения известны и в отдельных древних списках.

* * *

Для нашего изложения важны прежде всего — „История Иудейской войны“ Иосифа Флавия и „Александрия“, так как их художественные образы и изобразительный язык имеют связь с поэтикой Слова о полку Игореве (конец XII в.) и Галицкой летописью (XIII в.), т. е. с самыми красивыми образцами средневекового повествования.

КНИЖА ИОСИФА ФЛАВИЯ ЕВРЕИНИНА

Во всесветно известной своей „Книге“ Иосиф евреин, сын Маттафии, прозванный у римлян Флавием, полководец, дипломат, философ, историк, оратор и поэт, рассказал сначала по-арамейски, а затем по-гречески о последних днях политической Иудеи, описывая с талантом, живостью и одушевлением развязку драмы, закончившейся римским разгромом возмущившейся Иудеи. Произведение это разделено Иосифом на семь книг. Первая книга посвящена начальным столкновениям Иудеи со своими врагами от времени Антиоха Епифана (175—164 гг. до н. э.) и до смерти Ирода. Вторая продолжает повествование до начала иудейского восстания против римлян (66 г.) и обнимает еще первый год войны (66—67 гг.). Третья книга описывает военные действия в Галилее (67 г.). Четвертая — перенесение войны в Иудею до совершенного изолирования Иерусалима; пятая и шестая — осаду и разрушение Иерусалима войсками Веспасиана и Тита; седьмая дает эпилог войны, до уничтожения последних следов возмущения. Во всех перипетиях Иудейской войны Иосиф Флавий сам принимал деятельное участие. Славянин-переводчик XI в.,¹ может быть даже русский, дал свободное и очень складное изложение греческого текста этой „Истории“, и она не раз служила источником образов, отдельных эпизодов и поэтической фразеологии „воинских“, боевых повестей русского средневековья.

Мы не видим возможности пересказать все содержание обширной „Истории“ Иосифа Флавия, „многого в словеси

¹ В XVII в. „История“ Иосифа Флавия была переведена опять, но с польского, а в XVIII в. — с латинского.

и пространнейшего в разуме“, как называет автора переводчик. Отметим только особенно драматичные рассказы Флавия — об осаде крепости Иотапаты (столица Галилеи) и Иерусалима (70 г.), в стиле которых сказалась традиция лучших историков античной Греции и Рима, изученных Иосифом. Для примерного показа того, чем мог обуславливаться успех „Истории“ в среде военных феодалов, приведем в извлечении конец характеристики римского войска и эпизоды из осады и падения Иотапаты.

„Упражнением в оружии они (римляне) готовят быть крепкими не только тела свои, но и души. Закон же у них очень страшен, ибо не только оставившего строй, но и помедлившего осуждают на смерть. Военачальники их страшнее закона. Ибо лучших они чтят, а злых и непокорных мучают. Когда же они соберутся все, то полк их будет, как одно тело. Так связаны между собой их ряды и быстры их повороты: и уши их остры на послушание, очи же на хоругви зрят и руде на сечю готовят“ и т. д. После этой похвалы римлянам, Иосиф переходит к рассказу о нападении их на Иотапату. Сначала оно не удалось: „граждане бо, очютивше пришествие их (т. е. римлян), стаха пред градом, исполчившися. И снемшися (т. е. сойдясь) с римскими полки, скоро победиша их, язвивше много их и убивше 60 муж, зане не обычай им есть обратити плещи (т. е. показать тыл), когда побежени суть, но тихо отступают, яко не знати бегания их“. Описывается далее поход на Галилею самого Веспасиана, в войске которого были „хоругви, наричемые Орел, зане се есть цесарь всем птицам и креплей всех, и стретение его победы назнаменает“. От ужаса перед этим войском иудеи бежали с своим полководцем Иосифом (автором „Истории“). „Еуспасиан же взя Гадару и окрестная вся, и не пощаде от стара до младенец, но вся ножу предаст, и потом иде на Иотапату“. Услыхав об этом, Иосиф вернулся в Иотапату „и укрепи мышце Июдейски“. Иудеи сделали вылазку, Веспасиан же пустил на них стрелков и поставил метательные станки, а сам с пехотой пошел „раскопати стены“. Но иудеи прогнали римлян, „секшися весь день“, и затем бились до пятого дня: „и бысть видети лом копийный и скрежтание мечное и щиты ископани и мужи носими, и землю напоиша крове“. Веспасиан велел засыпать землей и заваливать хворостом и камнями пропасти, окружавшие город, „иудеи же каме-

ние велико пушаху на ня (т. е. на римлян) и всяким оружием соваху на ня“, но напрасно. Римляне также метали громадные камни „и сулицы (т. е. дротики, легкие копья) из лук пушаеми шумяху, и стрелы помрачиша свет“, так что иудеи не смели подняться на стены. Описываются далее удачные распоряжения Иосифа по защите города. Так, например, когда Веспасиан понадеялся выморить город безводием, Иосиф „хотя преломити упование его, повеле измочити много риз и повесити на стенах, да каплет из них, имже (т. е. от чего) ужас и печаль приа римляны“. В конце концов однако иудеи почти все были выведены из строя; Иосиф собирался бежать и в беседе с гражданами хитро мотивировал этот поступок, но граждане умолили его не оставлять их в беде. Следует ряд боевых картин, любопытных по военной технике и по героизму. Так рассказывается, что для разрушения крепостной стены римляне: „поставиша Овен (т. е. баран, таран), еже есть древо велико зело и толсто, подобно мачте корабельной, а в конци его всажено железо велико, рогато, имже и Овен наричется“. Действию тарана сначала иудеи помешать не могли, потому что на них сыпались стрелы, дротики (сулицы) и камни с метательных станков: „и стрельцем стреляющем, и суличником сулицами сующем, и порочником (т. е. управляющим метательными станками) каменем пушающим, не смеша иудеи стати на забралех“. Но вот выискался герой, который уничтожил силу тарана: „Муж некто иудеянин дело сотвори подобно памяти — Елеазар Соломеин сын; отечество же его — весь (т. е. деревня) галилейская. — Сей, поим камень велик зело, пусти на Овен и отшибе главу его. И соскочи с забрал и взя главу его среди римлян. И возвратившися, ста над градом, да будет всем явлено и славно, держа и Овню главу. И прилетевше 5 стрел от задних стрелец и удариша его, и уязвен свалися с града и с Овнем“. Но положение иудеев становилось все ужаснее: со стен они уже не сходили и хотя храбрились („веселились“) перед лицом смерти, но падали с забрал, „яко снопы“. Стенания поднимались до небес, кровь с забрал текла, как реки, и можно было по трупам подняться на стены, как по ступеням лестницы. Город был затем изменнически предан, римляне ворвались и перебили население. Среди трупов они напрасно искали Иосифа: он с 40 воинами укрылся в пещере (в цистерне). Когда же на 3-й день одна женщина указала римской страже это

История Иудейской войны Иосифа Флавия. Осада Иотапаты: Елеазар галилеянин разрушает римский таран. Хронографическая часть летописного свода XVI в. · Рукопись Академии Наук.

убежище, Веспасиан послал для переговоров с Иосифом двух своих военачальников, а затем и его друга. Но Иосиф медлил сдачей, тем более, что товарищи препятствовали его спасению. Наконец ему удалось уговорить их поделиться на пары и каждому умереть от руки состоящего в паре. Когда таким образом Иосиф остался лицом к лицу с последним товарищем, то отговорил его от убийства и самоубийства, и оба они передались римлянам. Замечательны по казуистике и софистике речи Иосифа, как в эпизоде с Иотапатою, так и в других местах, но они, как кажется, не отразились на русском ораторстве. — Вообще, вся область рассуждений Иосифа и объяснений цепи событий и его переживаний настолько не соответствовала культурному уровню феодальной Руси, что нельзя и ожидать ее использования в русских произведениях рассматриваемого нами периода. Из „Истории Иудейской войны“ русские книжники заимствовали в свои повести лишь некоторые элементы боевых картин и отдельные сюжетные детали.

* * *

Житїе и жизнь, и дѣланіе и посыланна. Жалейца цѣрамакедонскаго

Известная на Руси уже в домонгольский период история подвигов Александра Македонского, короче сказать — „Александрия“, представляет собою один из видов того произведения греческой литературы, которое, распространившись по многим странам Востока и Запада, сделалось источником многих средневековых повестей и романов. История Александра стала одной из мировых книг и везде нисходила до массового обихода. Международная деятельность Александра, слава и историческое значение его завоеваний, наделение его личности чертами, привлекательными для разных слоев общества, великодушие, благородство, счастье оружия и в то же время ранняя смерть обеспечили сюжету „Александрии“ всемирную популярность. Странствование Александра послужило причиной приурочения к нему фантастических сказаний о землях и народах, сказаний, которые бродили в Греции, на Востоке и т. д. Так, были, например, сочинены письма Александра к его наставнику

Аристотелю и к матери Олимпиаде, амазонкам и брахманам, рассказывающие о чудесах, виденных Александром в Индии. Письма эти включены в рассматриваемую нами „Александрию“.

Сказания об Александре, создавшиеся вскоре после его смерти и постепенно собиравшиеся письменностью, во II—III вв. н. э. образовали произведение, приписывавшееся то Каллисфену (вероятно, племяннику Аристотеля), то еще другим авторским именам. В науке, не узнавшей действительного автора, за историей Александра оставлено название — псевдокаллисфеновой. Судя по многим чертам этой истории, она заключает в своей основе запись северно-египетских преданий об Александре и возникла в Александрии. К числу египетско-александрийских черт относят, например, то, что отцом Александра является не Филипп, а египетский царь Нектанеб: исходя от него, Александр становился уже не завоевателем Египта, а прямым наследником последнего царя. Подобное удовлетворение чувства национального самолюбия наблюдается и в персидских сказаниях, где Александр-Искендер является сыном царя Дарба, т. е. Дария (Фирдоуси X в.).

Египетско-александрийская история веку к V была эллинизирована, причем изменению подвергся путь хождений Александра (отправная их точка — Египет — была заменена Грецией). Здесь, с одной стороны, вообще события были приведены в большее согласие с исторической действительностью, с другой — увеличилось число чудес, виденных Александром на Востоке. Далее создан более полный, иудейско-христианский вид „Александрии“, в котором Александр изображен почитателем иудеев и их единобожного исповедания, а также пророчествовалось пришествие Христа. Одновременно с появлением эллинизированной „Александрии“ первоначальная псевдокаллисфенова „История“ была переработана на латинском языке неким Юлием Валерием и стала известной на Западе. В X в. итальянский „архипресвитер“ Леон издал по-латыни компилятивную „Историю“ (*Historia Alexandri Magni regis Macedoniae de proeliis*), переработанную из первоначальной и из труда Юлия Валерия. От упомянутых двух латинских переработок и пошли прозаические и стихотворные Александрии средневекового Запада, большей частью на языках национальных. Эти Александрии отличаются внесением черт рыцарства.